

Книга первая

1

Авария на шоссе М-8, оно же Е-95, произошла ранним осенним утром. В эти октябрьские дни дороги нередко заволакиваются туманами, так случилось и в этот раз. Видимость, плохая даже на высоких участках шоссе, в низинах сократилась до пятидесяти метров. При этих условиях обгон — занятие клинических идиотов, но один такой нашелся. «BMW X5» с российскими номерами резким маневром обогнул попутную фуру и выскочил на встречную полосу. Водитель не успел уйти на свою полосу и порадоваться мощи движка и отточенной управляемости «коня», как навстречу из тумана выскочил «Lexus LX» с украинскими номерами. Сманеврировать оба водителя не сумели. Визг стираемых об асфальт шин, удар...

Немецкие и японские кроссоверы — автомобили крепкие, о безопасности водителей и пассажиров их производители заботятся. Но их суммарная скорость превышала 150 км/час... К тому же через пару секунд сцепившиеся на шоссе машины догнала фура. А ее за мгновение не остановить... Груды железа, в которую превратились кроссоверы, могучим ударом снесло с асфальта и сбросило в кювет.

«Скорую помощь» и МЧС вызвал водитель фуры — он в аварии почти не пострадал. Первыми прилетели эмчезники. Гидравлическими ножницами они разрезали кузова кроссоверов и извлекли из них четыре тела — троих мужчин и одну женщину. Мужчинам медицинская помощь не требовалась, а вот женщина, которую достали с заднего сиденья «Лексуса», еще дышала. Ее передали подлетевшей бригаде медиков. Та действовала профессионально. Пострадавшую переложили на складную каталку и засунули внутрь автомобиля. Следом за врачом и раненой поспешили медсестра, женщина лет сорока, и фельдшер, мужчина лет тридцати. Перед тем как скрыться в салоне, фельдшер сказал водителю:

— Гони, Иваныч! Совсем плохая. Не довезем...

Иваныч погнал. Включив мигалку и сирену, он притопил педаль газа и помчался по влажной от тумана ленте шоссе. Завывая, «Скорая» неслась в недалекий Могилев, где в извещенной бригадой клинике спешно готовили операционную.

Но поистине этот день выдался несчастливым! На съезде к городу «Скорую» не пропустил грузовик, который вез на мясокомбинат бычков. Его водитель то ли не услышал сигнал, то ли не счел нужным уступить дорогу. Тяжелый стальной бампер «ЗИЛа» еще советской постройки снес «Скорую» с дороги, и та, слетев с асфальта, несколько раз перевернулась. Погибли все: и водитель, и медики, и чудом уцелевшая в первой аварии пациентка. Помощь не понадобилась никому, что и зафиксировали прибывшие к месту ДТП экипажи других карет «Скорой помощи».

Одновременно, правда, произошло странное: на месте аварии не обнаружили тела фельдшера. Пона-

чалу на это не обратили внимания — не до того было, но потом кто-то из медиков сообразил, что бригада в разбитой машине неполная. Поначалу подумали, что фельдшера выбросило из машины, когда та кувыркалась. Осмотрели дорогу, обочины, луг на месте аварии — никого. К поискам подключилась спешно вызванная МЧС — и опять-таки безрезультатно.

Предположили, что фельдшер вышел из «Скорой» на пути в Могилев. Это выглядело невероятным: не мог медик бросить пациента в такой ситуации, но иной версии не нашлось. Пробовали пропавшему звонить — телефон оказался недоступен. Руководство подстанции «Скорой помощи» решило разобраться с фельдшером после его возвращения на работу или в общежитие, где проживал холостой медик. Этого, однако, не случилось — ни в тот день, ни в последующие. Человек словно испарился. Уехать он не мог: в его комнате остались документы и вещи, а также деньги, которые обнаружили в старой емкости для стерилизации шприцев, которую пропавший фельдшер хранил в тумбочке. Все это нашла милиция, в которую поступило заявление от руководства подстанции, встревоженного исчезновением работника. В милиции завели дело, привлекли поисково-спасательный отряд «Ангел»¹, который, по обычной прак-

¹ Благотворительная организация добровольцев в Беларуси, которая занимается поиском пропавших и заблудившихся людей, а также помогает тем, кто попал в сложную ситуацию вследствие природных условий, например из-за занесенных снегом дорог. Действует оперативно и эффективно. Очень популярна и уважаема в обществе. — *Здесь и далее примеч. автора.*

тике распространил фото и описание пропавшего человека в Интернете и на листовках. Никакого эффекта: никто таинственно исчезнувшего фельдшера не видел. Спустя положенный срок вещи пропавшего увезли в камеру хранения, а комнату выделили другому медику. Со временем об исчезнувшем забыли. «Се ля ви», — как говорят французы...

* * *

Над мной пел соловей. Щелкал, выводил рулады, заливался, демонстрируя миру радость. Некоторое время я лежал, слушая птаха и пытаясь понять, где нахожусь. В раю? А там поют соловьи? Возможно. Там я еще не бывал.

Я на том свете? Вполне вероятно. Последнее, что я запомнил: удар, взлетевшее с носилок тело пациентки, следом — мое и несущаяся навстречу задняя дверь «Скорой». Перед тем как врезаться в нее головой, я разглядел возникшую между нами тонкую, радужную пленку, похожую на мыльный пузырь. И этот пузырь занял все пространство салона кареты. Дальше была темнота...

Выходило, что я умер, и соловей поет надо мной погребальную песню? Что-то слишком жизнерадостно для такой. И какие соловьи в октябре? Хотя на том свете нет времен года. Подумав, я прислушался к себе. Тело ныло, саднила голова, и вообще, ощущения хреновые. Странно... Мертвым-то не больно.

Попытался открыть глаза. С правым это вышло, а вот левый не подчинился — веко будто приклеили. Но и одним глазом рассмотрел, что это не рай. Я ле-

жал под деревом. На фоне светлеющего неба явственно различались мощные ветви, с тонких свешивались прихотливо вырезанные листья. Дуб... Сомневаюсь, что в раю растут дубы.

Попробовал сесть. Получилось. Голова полыхнула болью, отчего я зашипел, но сдержал готовое сорваться с языка ругательство. Стараясь не тревожить саднящую тыковку, осмотрелся, осторожно поворачиваясь всем торсом. Я находился в телеге, а та стояла под дубом, возвышавшимся посреди небольшой поляны. Вокруг виднелись тлеющие костры, возле них лежали люди. Они были укрыты странными темно-серыми одеялами. Присмотревшись, я понял, что это шинели. Необычного покроя, не похожие на те, что доводилось видеть прежде, но точно не одеяла — у тех не бывает воротников-стоек и погон. Тело внезапно ощутило колючую ткань, и я перевел взгляд вниз. Меня укрыли такой же шинелью: толстой, из грубого сукна серого цвета. На ней имелся стоячий воротник и погон желтого цвета. Это ж какие войска такие носят?

Решив не заморачиваться, я откинул шинель. Здравсьте! Гол, как сокол, даже носки сняли. В больнице это нормально, но я не в клинике. В палатах не растут дубы, а пациентов не кладут в телеги на постеленное поверх сена рядно. Шинелями их не укрывают, о соловьях вовсе молчу. Невидимый птах все так же надрылся в ветвях, не обращая внимания на шевеление внизу. С чего ему обращать? У него своя жизнь...

Хотелось пить, а также того, что противоположно этому процессу. Подумав, я осторожно выбрался из телеги и, стараясь не задеть спящих, отправился искать воду. Она где-то неподалеку: соловей не поет

вдали от водоема, ему нужно периодически смачивать горлышко. Откуда знаю? Не на асфальте рос.

Небольшой ручей обнаружился на краю поляны: я его прежде услышал, чем увидел. Сбегая по небольшому склону, вода журчала в узком русле. Прежде чем напиться, я тоже пожурчал — разумеется, не в ручей, а в кустики неподалеку. Затем, встав на колени, напился обжигающе холодной, практически ледяной воды. Ручей явно брал начало в роднике. Утолив жажду, я всмотрелся в свое отражение в воде. Красавец, блин! Голова замотана какой-то тряпкой, левая сторона лица в засохшей крови, потому и глаз не открывается. Я аккуратно смыл кровь, пустив по ручью бурные разводы. Глаз открылся, слава богу! Я потащил с головы тряпку, но ткань присохла к ране, пришлось отмачивать. Содрав, наконец, тряпку с головы, я рассмотрел ее. Чья-то нижняя рубаша, сшита из грубого полотна, без воротника и пуговиц. Простирнув ее в ручье, осторожно отер влажным рукавом кровавые корки вокруг раны. Прическу я ношу короткую, стригся недавно, так что затруднений не возникло. Спустя несколько минут удалось рассмотреть рану — насколько позволяло изображение в воде. Неслабо меня приложило! Косой разрез повыше виска, идущий ото лба к затылку с левой стороны черепа. Длинною сантиметров десять. Похоже, повреждена только кожа. Здесь обилие сосудов, отчего и крови натекло много. Ничего страшного, но шить надо — края раны далеко разошлись. Если не стянуть, заживать будет долго, да и шрам останется жуткий.

Подумав, я отстирал кровь с запачканной рубашки — в холодной воде это удалось легко, отжал ее

и накинул на себя. Хоть какая-то одежда! Влажная, грубая ткань плотно облегла тело, стало холодно. Зато срам прикрыт — рубаха длинная. Древнее словечко «срам» всплыло в памяти само, и я подивился этому. Откуда? Внезапно, пораженный одной мыслью, зашпешил обратно. Босые ноги оставляли на усыпанной росой траве темный след, зябли от влаги, но я не обращал на это внимания. Оказавшись на поляне, уставился на то, что зацепило взгляд на пути к ручью, но тогда я, томимый жаждой и нуждой, не придал увиденному значения.

Ружья! Составленные в пирамиду, с торчавшими над стволами длинными трехгранными штыками, они прекрасно различались в свете еще не показавшегося над горизонтом солнца. Не веря собственным глазам, я подошел ближе. Никакого сомнения: русские пехотные ружья образца 1808 года. Калибр — 7 линий, или 17,8 миллиметров. Мушка припаяна к последнему кольцу у края ствола. Толку от нее мало — шатается, но для того, чтобы стрелять на расстоянии, когда у человека видны белки глаз, — это примерно 50 метров, можно обойтись и без нее. Откуда знаю? Приходилось держать в руках, правда, реплику, а не оригинал, но меня уверили, что она идентична образцу. Эти ружья репликами не являлись. Остро заточенные штыки — на новodelах они тупые. Потертые ложи и приклады.

Я нагнулся и осторожно понюхал дульный срез ближнего ружья. Из него стреляли, причем относительно недавно. Из ствола несло характерным запахом серы, который оставляет сгоревший дымный порох.

Выпрямившись, я внимательно осмотрел поляну. Теперь взгляд подмечал то, на чем ранее не задержи-

вался. Пара телег с выпряженными лошадьми, одна крытая брезентом фура, тоже без коня, составленные в пирамиды ружья, необычная одежда спавших у костров людей. Не все из них были укрыты шинелями.

Я разглядел зеленые мундиры с фалдами и обшлагами, отделанными сукном такого же, но более темного цвета. Белые полотняные штаны с пуговицами по наружным сторонам голеней надеты поверх сапог. В головах спящих кожаные ранцы, рядом лежат кивера в холщовых чехлах. Егеря, если не ошибаюсь...

Не похоже на лагерь реконструкторов... Не было современных палаток, мангалов, валяющихся в траве пластиковых и стеклянных бутылок (как же без них?), цветных упаковок и прочих мелочей, говорящих о двадцать первом веке. Здесь царил девятнадцатый. «Полностью аутентичный», — как сказал бы мой приятель Илья, на сходках реконструкторов изображавший гвардейского поручика.

У меня закружилась голова. Некоторое время я стоял, пытаюсь осмыслить увиденное. Мысли носились в голове, как тараканы по кухне алкоголика, и никак не хотели собраться воедино. Как я сюда попал? Почему? И что теперь делать? Так и не придя к какому-либо решению, я потащился к телеге, от которой отправился искать воду. Полежу, подумаю... Не удалось. При моем приближении из-за телеги вынырнула фигура. На незнакомце оказался серый мундир с фалдами, застегнутый на латунные пуговицы, и такого же цвета штаны, на голове красовалась фуражка с козырьком. Небритое, заспанное лицо...

— Куда-то ходил, барин? — спросил странный тип.

— Пить, — пояснил я.

— Кликнул бы меня, — укорил тип. — Я бы принес.

— Не знал, — пожал я плечами. — А ты кто?

— Фурлейт.

Ага, возчик.

— Звать как?

— Пахом, — сообщил возчик.

— Объясни мне, Пахом, как я оказался здесь?

— Дык подобрали, — пожал он плечами.

— Где?

— У дороги. Ты, барин, на траве лежал — совсем голый, голова в крови. Мнили, мертвый. Мертвяков у дорог чичас много. — Он вздохнул. — Хранцуз наскочит, побьет и обдерет до нитки. Вот и тебя так: сабелькой по головке приложили, одежду сняли и кинули помирать. Не помнишь?

Француз, значит. С эпохой, кажется, определился. Я покрутил головой: мол, ничего не помню.

— Отшибло, значит, — заключил Пахом. — Оно и понятно. А может, то не хранцуз был, а лихие люди. Много их чичас. Фельдфебель подошел глянуть, тронул и кажет: «Живой!» Не бросать же христианскую душу? Велел подобрать и положить в телегу. Я тебе своей рубашкой голову замотал. Гляжу: снял и на себя надел?

— Другой одежды у меня нет, — повинулся я. — Раздобуду — верну.

— Ничо! — махнул он рукой. — Мы с понятием. Только барской одежи тута нетути.

— С чего ты взял, что я барин?

— Ну, дык.. — удивился он. — Сам белый, гладкий, кожа чистая, руки без мозолей, не то что мои. — Он показал большие растопыренные пятерни. — Ты сво-

ими ничего тяжелее ложки не подымал, — он усмехнулся.

— Фельдшер я.

— Вона как! — удивился он. — Фершал — человек полезный, в нашем баталионе имеется, а еще лекарь. Только нет их тут. Отбились мы от своих. — Он снова вздохнул. — От Салтановки, где с хранцузом бились, одни идем.

Ага!

— Давно бились?

— Дык третьего дня.

То есть позавчера. Вот и дата подплыла. Бой под Салтановкой случился 23 июля 1812 года по новому стилю. Сегодня 25-е. Салтановка — рядом с Могиловом, ехать до нее всего ничего. Был я там. Часовенка стоит в память о подвиге солдат и офицеров корпуса Раевского. Сам генерал, если верить легенде, шел в наступление впереди солдат, ведя за руки малолетних сыновей. Только не было этого. Старший и вправду был с отцом, но не в первых рядах, а младший, подросток, собирал в это время грибы в лесу. Но и там залетевшая шальная пуля пробила ему панталоны.

Жаркий бой случился. Французы записали себе победу, поскольку русские отступили. Но в стратегическом плане победили наши. Даву не смог преградить дорогу Багратиону, и 2-я Западная армия соединилась с 1-й у Смоленска. Вернее, пока еще не соединилась, это в августе предстоит.

— Хранцузы нашу роту в лес загнали, — пояснил Пахом. — Много их было. Сидели там до темноты. Потом выбрались, а наших нет. Чичас догоняем.

Понятно... Ладно, с этим позже разберемся. Нужно заняться собой.

— Хочу зашить рану, — сказал я, указав на голову. — Поможешь?

— Дык не умею, — растерялся Пахом.

— Я сам. Нужны игла с ниткой, бритва, чистая тряпица, вода, зеркало. Хорошо бы хлебного вина. Найдутся?

— Вино у каптенармуса, — почесал в затылке Пахом. — Спрошу.

Он ушел к стоявшей неподалеку фуре и вскоре вернулся с низеньким, плотным мужичком в мундире. Выглядел тот заспанным.

— Зачем вам вино, господин? — спросил хмуро.

— Для дезинфекции, — пояснил я и добавил, увидев непонимание на его лице: — Кожу вокруг раны смазать и иглу с ниткой в нем подержать. Мне мало нужно.

— Ладно, — сказал тот и ушел к фуре. Пахом устремился следом. Вернулся с жестяным стаканом от манерки¹, который бережно нес перед собой. Я забрал стакан у возчика и заглянул внутрь. Внутри болталось граммов пятьдесят прозрачной жидкости. Я понюхал — сивуха. Сгодится. Рядом с телегой нашелся тлеющий костерок. Я выкатил из него веткой уголек побольше, сдул с него пепел и примостил поверх поданную Пахомом иглу — из тех, что называют цыганскими. Меньшей у возчика не нашлось, что неудивительно. Мундиры на солдатах из грубого сукна, такое тонкой иглой не проткнешь.

¹ Манерка — фляга. Ее жестяной стакан надевался на широкое горлышко.